

Оглавление

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья.	19
Глава четвёртая.	30
Глава пятая	42
Глава шестая	54
Глава седьмая	65
Глава восьмая	80
Глава девятая	87
Глава десятая.	107
Глава одиннадцатая	115
Глава двенадцатая	133
Глава тринадцатая	141
Глава четырнадцатая.	157

Глава пятнадцатая	165
Глава шестнадцатая	176
Глава семнадцатая	185
Глава восемнадцатая	201
Глава девятнадцатая	212
Глава двадцатая	243
Глава двадцать первая.....	254
Эпилог	272

В сокрытых тайнах пряча страх,
Не забывай — ты только прах.
К твоей ловушке троп не счесть,
Когда ведёт тебя к ней месь.

И если ты уже забыл,
То значит, твой ослаблен тыл.
А тот, с тобою кто идёт,
Часам твоим ведёт отсчёт...

Глава первая

Всё началось после знакомства Максима с Лерой.

До нее Максим определённо подавал надежды. Но в том-то и дело, что лишь подавал: учился посредственно, пропускал пары, не относился серьёзно к выбору профессии. Однако Лера словно вдохнула в него жизнь — для нее ему хотелось стараться, быть лучшим не только сейчас, но и потом, в будущем, когда они создадут непременно крепкую, счастливую семью, а он станет успешным и уважаемым врачом — Логуновым Максимом Андреевичем. Ради таких целей Макс отбросил ребячество, взялся за учёбу и сконцентрировал всю свою

жизненную энергию на том, чтобы добиться успеха. Как в своё время сделал его отец.

Макс учился на третьем курсе медицинского университета, и только теперь он начал заниматься по-настоящему. Тот факт, что его отец доктор медицинских наук, порой его выручал, но всему есть предел. И когда преподаватели заметили, что один из самых способных студентов начал откровенно забивать на учёбу, отцу было доложено немедленно.

Но ни отец, который много лет проработал врачом-психиатром, ни мать, которая десять лет до рождения Макса и двадцать лет после проработала гинекологом-акушером, не смогли направить на путь истинный несерьёзного, хотя и талантливого парня.

А Лера смогла.

Первокурсница, приехавшая в столицу из области, тихая, спокойная, но очень целеустремленная девушка. Она рано потеряла родителей, а потому жила с бабушкой в небольшом городке. В школе училась хорошо, окончила ее с серебряной медалью, без про-

блем поступила на бюджет. Она, не стесняясь, призналась Максиму, что ее главная цель, как и у всех, кто едет в Москву, — покорить столицу. Но в ее планы входило сделать это исключительно своим трудом и усердием: Лера планировала стать педиатром и со временем открыть частную клинику. Видя, как она относится к обучению и к жизни в целом, Макс верил, что Лера определённо добьётся своей цели. Именно поэтому он и переосмыслил своё собственное отношение к учёбе.

Внешне они были полной противоположностью: Максим — высокий, широкоплечий парень, унаследовавший от отца статную мужскую фигуру и густые черные волосы, а от матери прямой нос и, что необычно смотрелось с его темной шевелюрой — зелёные глаза.

Лера же напоминала маленькую мышку: невысокая, худенькая, светловолосая, аккуратный носик и большие голубые глаза. Нет, она не была из тех девушек, что ищут столичного парня, чтобы женить его на себе, а по-

том лишить всего, чем он обладал. Отнюдь. Ее глаза горели, когда она изучала медицину, когда говорила о том, как она будет лечить детей, как откроет свою клинику. И горели не меньше, когда она смотрела на Максима.

Мечта стать врачом к ней пришла в семь лет — тогда умерла ее мама. Она тяжело болела, а медицина была бессильна. В отличие от Макса, которому профессию родители выбрали еще, пожалуй, до его рождения, у Леры была истинная мотивация выучиться и стать доктором. А потому она знала, что каждая пятёрка, каждый реферат, доклад, успешно сданный зачёт — это еще один шаг к ее мечте. Она старательно выполняла все задания, что на нее возлагались, чтобы каждое действие хоть на чуточку, но приближало ее к цели.

Лере исполнилось восемнадцать лет, и вот-вот должно исполниться девятнадцать. Она была самая старшая в своем классе в школе, потому, что из-за смерти мамы пошла в школу на год позже. Макс ушел двадцать один год, а потому он уже планировал

в ближайшем будущем снять квартиру для себя и Леры, чтобы съехаться. Его отец, Андрей Владимирович, сперва был против, но мать Максима немного его успокоила: девочка выглядела милой, честной, к тому же сама поступила на бюджет, а это что-то да значит! Да и перемены в Максиме в лучшую сторону его отец не мог не замечать.

— Внуки умными будут, — шутила Лариса Логунова, разговаривая с мужем. — В наше время не знаешь, что лучше: женитьба сына, когда ему слегка за двадцать, или же в тридцать пять выпрашивать у взрослого холостяка хотя бы одного внука.

Когда Макс познакомил Леру с родителями, всеми было решено на майские праздники поехать в гости к бабушке Леры для знакомства и укрепления будущих родственных связей. У той был свой дом, а потому, сказала Лера, место найдётся всем.

Разумеется, бабушка Леры жила куда скромнее, чем семья врачей, один из которых был доктором наук, но если уж решили породниться — так тому и быть.

Познакомились молодые люди банально — в институте.

До Леры у Макса серьёзных отношений не было ни с кем, он лишь иногда встречался с девушками в школе и на первом курсе, как это делают все парни в том возрасте. Лера же честно призналась, что год встречалась с молодым человеком, который бросил ее аккуратно перед школьным выпускным. Макс, как говорил он сам, повезло, что в начале учебного года он все еще появлялся в учебном заведении чаще обычного, а потому не мог не заметить миниатюрную, хорошенькую девушку, которая то и дело мелькала рядом. Роман закрутился быстро, и Макса не осталось сомнений, что Лера — это та самая, единственная.

В новогоднюю ночь вместе с родителями Максима пара отметила два месяца отношений.

Лера надела черное облегающее платье на бретелях, все усыпанное блестящими пайетками, сделала причёску в стиле двадцатых годов прошлого века и своим видом просто

сразила родителей молодого человека. А уже восьмого марта Максим сделал ей предложение и подарил золотое кольцо с маленьким бриллиантом. Меньше чем через месяц после этого события у Леры должен был быть день рождения — пятого апреля. И Максим прекрасно понимал, что переплунуть такой подарок будет сложно, поэтому нужно придумать что-то совершенно необычное...

Глава вторая

Аню привязали к кровати и что-то вкололи в руку. Сознание поплыло, рисуя перед внутренним взором мутные, размытые узоры. Ей сказали, что так надо, так правильно, ведь она больна. Наверное, они правы. Какая теперь разница, когда наркотик туманит и без того больную голову?

Она лежит здесь уже сколько? Неделю? Две? А может, месяц?

Вчера был, как выразился доктор, хороший день: Аня не бросалась на персонал, не пыталась сбежать и ничего не говорила о своих видениях. Но это было вчера. А сегодня она вгрызлась зубами в ухо медсестре,

которая хотела ей сделать утренний укол. Именно поэтому ее и привязали к кровати. Знала ли она о таких последствиях? Конечно, знала. Но та садистка специально не попала с первого раза в вену, истыкав руку Ани несколько раз толстой иглой.

Аня знала, что вены на ее худых руках всегда были, что надо. Когда она проходила плановую диспансеризацию, обычная медсестричка из поликлиники похвалила Анины вены «за сотрудничество». Это было когда-то давно, в прошлой, несуществующей, стёртой со всех бумаг жизни, но Аня сохранила в себе эту информацию. А эта стерва намеренно проделала в руке неговорчивой пациентки три дырки, за что и была укушена.

Ане уже нечего было терять. Она лежит здесь не первый день, понимая, что уже вряд ли когда-то выйдет из этой больницы, из этой тюрьмы. Жалко... Дома осталась недочитанная книга. Маловероятно, что ей позволят ее дочитать. А еще дома, кажется, остались дети. Но это уже не было точной

информацией: доктор много раз говорил Ане, что никаких детей у нее нет, что она придумала их, как и многое другое. Придумала целую жизнь до того, как попала в это место, до того, как ее начали лечить. Еще доктор сказал, что Аня больна, что ее галлюцинации — это признак тяжёлой душевной болезни. А он ее лечит.

Вероятно, доктор прав. Но образы детей отчётливо приходили ей в голову, и из-за этого постоянно хотелось сбежать. Ей казалось, что они зовут, они ждут ее: маленькая дочка дома, а сын где-то совсем рядом... И мама. У всех людей же есть мама! Аня знала это и не понимала, почему мама не заберёт ее. В таком случае, нужно самой к ней попасть. И она снова и снова говорила о побеге. А потом ее связывали, делали укол, и она засыпала.

Один раз на прогулке Аня увидела пожилую женщину с неухоженными седыми волосами. Та сидела на скамейке и перебирала пальцами свою ночную рубашку, что-то нашёптывая.

— Мама! — вдруг выкрикнула Аня и побежала к женщине. Персонал не стал ее сдерживать, лишь ухмылялись и перемигивались.

— Света? — спросила женщина.

Аня спрятала улыбку, когда поняла, что перед ней просто старая безумная женщина. Но еще больше ее расстроило неожиданное осознание того, что и она сама — безумна.

— Я Аня, — печально сказала она, словно оправдываясь перед женщиной. — Я не Света.

— А где Светлана? — снова спросила женщина, оглядываясь по сторонам, и, не дождавшись ответа, продолжила перебирать свою ночную рубашку, приговаривая, что в каждом шовчике спрятаны проводки, через которые за ней следят и подслушивают.

Аня оглянулась вокруг, посмотрела на улыбающихся санитарок и медсестёр, и во взгляде ее читались непонимание и вопросы: «Где я? Кто эти люди? Кто вы? Что это за место? Что я здесь делаю? Как я сюда попала?»

Она и правда всего этого не помнила. Доктор многократно беседовал с ней, пыта-

ясь донести до нее истину, но она в ней не нуждалась. К чему ей правда, от которой только больно там, где когда-то было сердце, если ее обман куда слаще?

— Я Осипова Анна Михайловна, — говорила она, — у меня двое детей. У меня был муж...

Дальше она терялась в своих рассказах. Галлюцинации учащались, как и следующие после них нападки на персонал.

В тот день, когда Аня укусила медсестру за ухо, она проснулась с жуткой головной болью. Побочное действие от лекарств, решила Аня относительно ясным умом. И была права. Но ей нравилось ощущать этот самый относительно ясный ум, а та стерва (эту медсестру Аня не любила больше остальных) тогда решила поиздеваться над безвольным овощем, каким и считала Аню.

Аня отдавала себе отчёт, что ее накажут. Доктор строго поглядел на нее, развёл руками, мол — сама виновата, и ее в очередной раз привязали к койке и укололи какой-то гадостью.